

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.		ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:	
ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургъ	2 р. — к.
Съ доставкою въ	5 » — »	Съ доставкою въ	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка пята. Особые приложения къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.
 Главная контора редакціи (А. Ф. Маркъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
 Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Варъ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

МОСКВА И ТВЕРЬ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

X.

СМЕРТЬ ЮРІЯ ДАНИЛОВИЧА.

Ты то подумай: ну ты убьешь меня, молодой человекъ, самъ ты пропадешь, на свой родъ безчестье положишь, а Руси ты этимъ не поможешь. Пойдемъ мы къ хану вмѣстѣ, я буду за старшаго брата, ты будешь за младшаго. Оба ему поклонимся, скажемъ: что раздору между нами нѣтъ больше, что завтра мы вмѣстѣ поминки отцу твоему справимъ, а нѣтъ Дмитрій Михайловичъ.... Юрій отступилъ и лицо его приняло злобѣющее выраженіе.

— Я одинъ пойду къ хану и вотъ что ему скажу. Ты меня выслушай, да выслушай толкомъ. Въ Петровъ день, — припомни, — сидѣлъ ты вечеромъ въ саду, былъ у тебя гость Ливинскій, мать твоя, бояринъ Морозъ были при тебѣ, и братъ твой, Александръ Михайловичъ, при тебѣ былъ.

— Почему ты знаешь все это? — спросилъ Дмитрій, отступающа шага на два.

— Знаю я больше, говорилъ торжествующій Юрій. Черезъ жену твою, Гедиминовну, идуть у тебя съ Литвой переговоры, и затѣялъ ты дѣло дѣльное, только въ твоихъ рукахъ оно не выгоритъ. Затѣялъ ты тогда, и потомъ былъ у васъ разговоръ, — съ разу не скажу когда, а что-то вскорѣ послѣ Ильина дня, — съ посломъ тестя твоего Гедимина, что такъ какъ Рюриково племя въ Полоцкомъ княжествѣ и Минскомъ пропадетъ, а литовскіе князья надъ нами верхъ берутъ, — это надъ

нами, надъ Рюриковичами — а такъ какъ отъ Рюриковичей Русской землѣ бѣда, и за народъ христіанскій стоять надо, то пусть бы Гедиминъ сдѣлалъ тебя великимъ княземъ Всея Руси, отъ сыновей бы отъ своихъ отрекся, а ты бы съ его войскомъ всю Русь завоевалъ; татаръ бы перебилъ, а по смерти ея и Гедиминовой на лѣнію Руси вольнымъ царемъ-бы сталъ.

Дмитрій стоялъ пораженный изумленіемъ.

— Откуда ты это знаешь? повторялъ онъ машинально, подавленный и уничтоженный страшнымъ врагомъ его рода.

— Нѣтъ постой, все это еще ничего, — продолжалъ Юрій. Знаю я, какъ ты ѣхалъ сюда въ Орду, какъ около Казани старикъ волхвъ тебя посѣтилъ и какіе вы заговоры дѣлали на жизнь хана Узбека.

Дмитрій опустился на скамеечку, блѣдный, какъ полотно.

— Сатана ты, или человекъ? сказалъ онъ наконецъ.

— Само собою разумѣется — человекъ, такой же христіанинъ, какъ и ты, — отвѣчалъ Юрій, — да только бояре у меня толковѣе твоихъ, а ихъ отроки ихъ сторону держать, потому что московскіе бояре за московскую землю стоять и своей земли не чуждаются, а тверскіе бояре — вертопрахи; отъ народа уваженія не имѣютъ. Сogleдатеавъ мнѣ нанимать нечего; черезъ твоихъ сѣнныхъ дѣвушекъ, княже, знаю я о чемъ у тебя разговоры съ Княгиней твоей идуть. Ну такъ ты

поймижъ теиерь, что ты, по рукамъ — по ногамъ, въ моей волѣ, поэтому я тебѣ и говорю: не корись мнѣ, а давай, — не для меня, а для святой Руси, для христіанства, добро сдѣлаемъ, — помиримся, къ царю пойдемъ; отступись ты на вѣки вѣчные отъ великаго княжества всея Руси, а мы тебѣ и роду твоему, Тверское и Владимірское, на вѣки — вѣчные отдадимъ. Вотъ тутъ крестъ лежитъ, давай сдѣлаемъ мы крестное цѣлованіе.

Какъ смерть блѣдный поднялся Дмитрій.

— Нѣтъ, постой: сказалъ онъ, задыхаясь, — нѣтъ, постой, это, значитъ я къ тебѣ въ холопы попалъ? это значитъ нехотя я и крестное цѣлованье тебѣ дамъ, всегда буду у тебя въ страхѣ ходить? стало быть я пропалъ? Такъ ужъ нѣтъ же, Великій княже Всея Руси, Юрій Даниловичъ, ужъ пусть же, кромѣ моихъ ушей, этого никто не услышитъ!

— Ты не горячись: сказалъ ласково Юрій — ты подумай сначала!

— Чего тутъ думать: крикнулъ Дмитрій, — и Юрій покотился навзничъ съ головой, разбѣченной чуть не по самыя плечи, тяжелымъ топоромъ великаго князя тверскаго. Дмитрій ударилъ его въ темя, топоръ, какъ бритва, раскроилъ черепъ и вывалился у него изъ рукъ.

Онъ стоялъ и не понималъ самъ, что сдѣлалъ, — онъ убилъ своего великаго князя. Онъ пожертвовалъ Русскимъ дѣломъ своимъ личнымъ счетамъ. Онъ нарушилъ завѣтъ отца и мольбы матери не мстить врагу... «Будьте вы прокляты, будьте вы прокляты» послышалось ему — и точно злобщая тѣнь бабки пронеслась мимо его бѣлымъ облакомъ. Обезображенное лицо Юрія было залито кровью; онъ не крикнулъ, падая; онъ лежалъ раскинувъ руки — онъ, такъ доврчиво пришедшій на свиданье. Какъ сумашедшій выскочилъ Дмитрій изъ ставки, и бросился къ московскимъ боярамъ.

— Вы свидѣтели, — сказалъ онъ, — никто изъ тверскихъ не виноватъ, я одинъ виноватъ — я убилъ Юрія, я за отца отомстилъ.

Всѣ бояре стояли въ недоумѣніи, неподвижно, всѣ были блѣдны; никто не ожидалъ такой развязки; потому что изъ ставки не было слышно ни шума, ни громкихъ голосовъ.

— Ахъ, батюшки свѣты! возопилъ Макунь, — изгубилъ-таки нашъ Дмитрій Михайловичъ своего недруга.

И онъ бросился было цѣловать руки Дмитрія.

— Отстань, сказалъ тотъ, — отстань, христа, ради. Уберите, бояре, какъ нибудь тѣло и пусть тамъ кто нибудь царю доложить что я сдѣлалъ.

И онъ пошелъ въ свою ставку, а московскіе и тверскіе бояре, забывъ все прочее кинулись посмотрѣть на трупъ и хлопотать, что съ нимъ дѣлать и куда дѣвать. Прежде всѣхъ подбѣжалъ къ тѣлу князь Александръ Новосильскій:

— Конецъ и слава Богу, сказалъ онъ перекрестясь. Прощай, Юрій Даниловичъ, молись за насъ, какъ мы за спасеніе твоей грѣшной души молиться станемъ. Завтра — бояре: обратился онъ къ смущенной толпѣ, — значитъ двѣ панихиды будемъ служить, за двухъ убиенныхъ, за праведнаго и за нечестивца.

— Княже, прервалъ его Кочева, не при покойникѣ бы.

— И то не при покойникѣ, спохватился Александръ и перекрестился — Дай Богъ ему царство небесное, грѣховъ отпущеніе, — а Руси отъ татаръ освобожденіе.

— Да, теиерь, вотъ теиерь-то, Дмитрій Михайловичъ, дасть имъ себя знать! затараторилъ Морозъ, широко размахивая руками, — теиерь нѣтъ ордынскаго наушника на христіанскихъ князей....

— Наушника нѣтъ: сказалъ угрюмо Колесница, прикладываясь къ покойнику, — а языки длиннѣе еще стали.

— Ну, ну, душа новгородская, смѣлся Морозъ...

— Да какъ это вышло? — Съ чего? — Кто началъ-то? — спрашивали всѣ другъ друга.

— Что-жъ — извѣстное дѣло, — затараторилъ Макунь, Царь велѣлъ Юрію идти къ нашему великому князю съ повинной, головой, — значитъ его намъ выдалъ.

— Развѣ поднялъ бы на него руку Дмитрій Михайловичъ — еслибъ мы тверичи не въ такой чести у Царя были — разводилъ руками Морозъ.

— Еще бы подхватили тверичи, — мы теиерь въ Ордѣ первые люди.

— А отчего первые: сказалъ Александръ.

— Оттого, что бояться здѣсь Дмитрія Михайловича.

Москвичи съ новгородцами ничего не говорили. Они молча положили тѣло на доску, молча понесли его къ велико-княжеской ставкѣ, духовенство позвали. Они съ жалобою къ хану не пробирались, даже не спрашивали, что въ Ордѣ говорятъ объ этомъ убійствѣ.

Одинъ Кочева еще нѣсколько суетился и толковалъ по очереди съ каждымъ изъ почтеннѣйшихъ бояръ, да Колесница ушелъ въ Новгородскій рядъ и засѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало, въ своей лавкѣ, гдѣ около него немедленно собралась толпа народа, разспрашивать о подробностяхъ страшнаго дѣла.

— Знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю, говорилъ Колесница — тверичи теиерь въ такой силѣ въ Ордѣ, что мы новгородскіе кушцы, возьмемъ да и уѣдемъ отсюда ко двору, отъ грѣха дальше. Царь перепуганъ, Русь теиерь вся встаетъ на него подъ Дмитріемъ Михайловичемъ — будетъ новое разореніе татарское — нѣтъ, мы отъ грѣха дальше.

— Да ты отъ кого знаешь это? кричала толпа.

— Подите вы прочь, люди честные: говорилъ Федоръ, не губите вы моей головы спротской...

— Нѣтъ, да ты скажи, отъ кого ты узналъ это?

— Вонъ тверичи идутъ — спросите ихъ. Они вамъ все расскажутъ.

Всѣ обратились къ тверичамъ — только Суета стоялъ передъ Колесницей растопыря ноги и усиленно тараща глаза. Дмитрій Михайловичъ нарочно взялъ его въ Орду, въ досаду Юрію.

— Безпутница! сказалъ онъ.

— А намъ-то съ тобой что? спросилъ его Колесница. Проваливай!

— Куда проваливать-то? некуда, говорилъ Суета смотря въ сторону.

— Тфу ты, волчья сыть, ругался Колесница — ну стой что ли и таращъ глаза, благо дураку охота пришла.

X.

ОРДЫНСКІЕ ЗАМЫСЛЫ.

Маринка сидѣла за вышиваньемъ. Ей было весело. То же свѣтлое чувство, какое вчера наполняло ея душу и которое давало ей такой покой и такое счастье, воодушевляло ее и теиерь. Затѣмъ она встала, вышла изъ вежи и посмотрѣла на тѣ лиловыя облака, кото-

рыя такъ тяжело висѣли надъ землей въ Введеніе 1324 года.

Въ воздухѣ было тихо; изрѣдка какъ будто падали капли теплаго дождя; ни одна былинка не двигалась; всѣмъ было тяжело кромѣ Маринки, Прасковьи и Русалки. Одѣлись Прасковья съ Русалкою, вышли и направились къ золотой вежѣ ханши Баялынь. Баялынь встала поздно и была въ этотъ день какъ-то молчалива; она и такъ была хвора, а теперь ей особенно нездоровилось, вслѣдствіе тяжелой погоды. Въ ставкѣ ея сидѣло нѣсколько татарокъ, калякавшихъ про всякія ордынскія сплетни. Баялынь слушала ихъ, зѣвая, и даже не ѣла русскихъ пряниковъ; тогда какъ истребленіе русскихъ пряниковъ составляло ея любимое препровожденіе времени;—она, какъ всѣ женщины того времени, была невѣроятная охотница до ѣствы сахарной, до питей медовыхъ. Трескотня двора ея надоѣла ей; она махнула рукой, повернулась на подушкѣ, закинула руку подъ голову, и легла, уставивъ глаза на входъ въ свою вежу, увѣшанную внутри персидскими и царьградскими коврами. Вдругъ, входъ въ ставку освѣтился яркой молніей, Баялынь въ ужасѣ вскочила и начала звать на помощь—татары очень боялись грозы—на помощь ни кто не явился, но между тѣмъ, въ ту самую минуту, когда слышались глухіе раскаты грома, крестясь, вскочили къ ней въ вежу Прасковья съ двумя названными дочерьми. Ханша бросилась къ нимъ, охватила ихъ; Маринка мигомъ опустила пологъ, дала ей напитокъ, усадила ее, укрыла ее подушками; ханша билась, кричала, но другаго удара не было, а только слышалось мѣрное паденіе крупныхъ дождевыхъ капель и вой откуда-то сорвавшагося вѣтра.

— Останьтесь здѣсь со мною, говорила Баялынь—не уходите отъ меня, и не впускайте ко мнѣ никого. Ахъ, какъ я перепугалась!

Прасковья прогнала набѣжавшихъ на помощь къ Баялынь татарокъ, которыя воспользовались этимъ случаемъ, чтобы забиться въ свои вежи, потому что грозы онѣ также трусили, а еще потому что по степи бушевалъ страшный ураганъ и около самаго стана носились смерчи. Кто не видалъ смерчей, тотъ представить себѣ не можетъ страннаго впечатлѣнія, которое производятъ эти конусы пыли, поднимающіеся съ земли, кончающіеся острыми завитыми концами точно штопоры, а къ этимъ штопорамъ спускаются тяжело нависшія облака, такими же конусами, — и все это кружится, несется, ломаетъ все встрѣчное, а небо черно и земля освѣщается какимъ-то красновато-синимъ свѣтомъ. Смерчъ шелъ крутя, разрываясь и опять сливаясь, то припадая сплошмя къ землѣ, то смѣшивая пыль съ облаками и, двигаясь прямо на Орду. Подойдя къ Ордѣ, онъ пошатнулся, повернулъ направо, очищая степь отъ множества остововъ людей и скота, всякихъ костей и всякаго сору. Сорвало съ мѣста нѣсколько досчатыхъ жидовскихъ балагановъ, взнесло доски ихъ куда-то очень высоко и тамъ избило ихъ въ щепы, а изъ поднятой къ небу собаки воротило на землю безобразный блинъ мяса, шкуры и шерсти. Затѣмъ смерчи прошли куда-то дальше. Въ воздухѣ стало легче. Дождь загудѣлъ и забарабанилъ, нѣсколько капель его прошибло потолокъ вежи, а ханша сидѣла дрожа всѣмъ тѣломъ и смутно сознавая, что страшная буря пронеслась мимо Орды, что она была всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ гибели. Маринка первая увидѣла какъ понесся смерчъ, но ничего не сказала; смерчъ

этотъ напомнилъ ей Юрія, который также идетъ, казался ей, гордо, смѣло, ломая и уничтожая все по дорогѣ. Ей стало опять страшно и она, поглощенная мыслию о смерчѣ—Юріѣ, сидѣла молча и улыбалась.

— Мы къ тебѣ, ханша, съ просьбою, замѣтила наконецъ Прасковья—за Маринку женихъ сватается.

Ханша улыбнулась и взяла пряникъ, чтобы дать какое-нибудь занятіе рукамъ и зубамъ покуда дождется полнаго сообщенія.

— Юрій Даниловичъ, Великій Князь Всея Руси! сказала Прасковья самодовольно, и погладила Маринку по головѣ.

Ханша притянула Маринку къ себѣ и крѣпко поцѣловала.

— Ну, сказала она, —не люблю я Юрія, а теперь горой за него буду стоять во всякомъ дѣлѣ.

— Когда же онъ посватался?

— Да вчера.

— Ну, а свадьба когда будетъ?

— А это отъ тебя, государыня, зависитъ, говорила Прасковья — пожалѣй ты мои сироту, Маринку, возвеличь ты ее въ царевны, чтобы ему, Великому Князю, она ровня пришлась.

— Хорошо, сказала Баялынь—это я завтра же сдѣлаю, или даже сегодня, вотъ какъ перейдетъ дождь, сейчасъ пошлю къ Узбеку, и не то, что попрошу, а просто велю ему сдѣлать ханшей мою бѣловуру серну.

Маринка молчала и плакала съ радости.

— Да ужъ за одно, сказала ханша—ужъ если мнѣ хлопоты на себя брать, такъ я сдѣлаю и другое дѣло. Я и Русалку въ царевны возведу. Можетъ найдется еще какой нибудь царевичъ, который на ней женится, такъ и будутъ мои козочки, одна будетъ Великая Княгиня Всея Руси, а другая будетъ великою ханшею гдѣ нибудь въ Самаркандѣ или въ Крыму или, на худой конецъ, въ Казани.

— Государыня, благодѣтельница ты наша, говорила Прасковья, — ужъ я просто ума не приложу, за что это меня съ твоей легкой руки Богъ милуетъ? Только одно горе есть у меня большое: увезетъ отъ меня мою Маринку Юрій Даниловичъ; увезутъ отъ меня Русалку—куда я-то пропащая баба, дѣнусь?

— Эхъ, старуха, говорила Баялынь—это уже наша старушечья участь такая, будемъ здѣсь, въ Ордѣ, сидѣть; за ними, за молодыми, не угнаться намъ.

— Безъ нихъ—то съ тоски умру! плакала Прасковья.

— Зачѣмъ умирать съ тоски? говорила Баялынь—ѣздить будешь къ нимъ.

Прасковья поцѣловала ей руку, довольная и этимъ разрѣшеніемъ, какъ вдругъ пологъ вежи отпахнулся и вошла жена мурзы Чета, поклонилась ханшѣ, сѣла и сказала отрывисто:

— Сейчасъ Дмитрій убилъ Юрія!

Всѣ сидѣли неподвижно, не понимая ни словъ, ни возможности такого происшествія; всѣ были ошеломлены, но не испуганы, не смущены; всѣмъ казалось, что это непріятная шутка, только слово такъ сказанное—вздоръ.

— Мимо насъ, продолжала Авдотья—(жена Мурзы Чета была русская, и она самого его тянула въ христіанство и на Русь) сейчасъ пронесли его тѣло. Онъ прошелъ къ тверскимъ, заперся въ ставкѣ съ Дмитріемъ, долго о чемъ-то говорили; бояръ къ себѣ не

Люблинский сейм
Съ картины Юа

сеймъ 1569 года.

Юанна Матейко.

пускали — Дмитрий вышел один и сказал, что он убил Юрия.

— Он его топором по голове ударил, поспышила прибавить третья татарка, ворвавшаяся к ханше с свѣжей новостью.

— Такъ сильно ударилъ, что до самого носа голову ему раскроилъ; Юрий даже и не крикнулъ, продолжала третья изъ приближенныхъ, съ досадою поглядывая на всѣхъ сидѣвшихъ у ханши, что успѣли прежде ея сообщить новость.

— Московскаго князя Тверской убилъ? Вздоръ, сказала Баялынь, очнувшись какъ-бы отъ столбняка, — вздоръ.

— Разумѣется вздоръ, сказала поблѣднѣвшая какъ полотно Маринка и расхохоталась.

— Разумѣется вздоръ, подтвердила ханша, а Маринка все хохотала, бессмысленно откидывая что-то руками и твердила только два слова: «смерчъ—вздоръ» — «вздоръ—смерчъ».

Цѣлые полгода кромѣ этихъ словъ ничего нельзя было добиться отъ сумасшедшей. Она вышивала какъ слѣдуетъ, не путая; но говорила только: «вздоръ» да «смерчъ». Аппетитъ у нея былъ страшный, но въ одно утро ее нашли въ сильномъ жару, и въ жару она начала произносить и другія слова: «пить хочу, — жарко, — Юрий зналъ замыслы Тверскихъ, — Юрий не позволялъ Тверскимъ губить Орду, — Юрий зналъ про новгородскихъ волхвовъ, — ливонскимъ пѣмцамъ теперь весело будетъ» — и слова эти тотчасъ же доносились до раздраженной противъ Тверскихъ и больной съ испугу Баялынь, а чрезъ нея до самаго Узбека, который все хмурился.

Когда Узбеку доложили объ убійствѣ Великаго Князя Всея Руси великимъ княземъ тверскимъ, онъ только плюнулъ съ досады, — такъ ему надоѣла эта борьба москвичей съ тверичами.

— Пусть ихъ рѣжутся, сказалъ онъ, — Юрий отца

убилъ, Дмитрий отомстилъ за отца. Хотя бы всѣ они перерѣзались, право стало бы легче.

— Такъ никакихъ распоряженій на счетъ Дмитрія? спросилъ его докладчикъ.

— Никакихъ, рѣшительно никакихъ, и чтобы даже слова объ русскомъ князѣ ни отъ кого не слышалъ. Пусть ихъ рѣжутся, пускай дѣлаютъ, что хотятъ; мнѣ ужъ не въ силу. Кромѣ сплетень ничего до меня не доходитъ. Они другъ на друга взводятъ такія обвиненія, что всѣхъ ихъ въ мѣшокъ, да въ воду слѣдовало-бы. Наконецъ, эти убійства — ихъ личный родовой счетъ — а законъ мусульманскій не отнимаетъ права платить кровью за кровь. Ничего, рѣшительно ничего, даже и не знаю я ничего — и Узбекъ дѣйствительно не дѣлалъ никакихъ распоряженій.

— Тверичи и рязанцы поняли изъ этого будто Узбекъ доволенъ убійствомъ Юрія и нигомъ прокричали по всей Ордѣ, что Дмитрий въ большой чести у царя, и что москвичи съ новгородцами въ конецъ пропали: Тверичи и рязанцы были народъ изумительно говорливый, хотя рязанцы все-таки были посдержаннѣе тверичей. Москвичи и новгородцы были какъ Москва и Волховъ одиноки и сосредоточены; тверичи и рязанцы, точно Волга или Ока, уносились въ безконечность — давно говорятъ, что народные нравы много зависятъ отъ географическихъ условій. Верховье Волги принадлежало Ржеву — княжеству враждебному Твери; далѣе по Волгѣ стоялъ Угличъ, не подчинявшійся Твери; притоки Волги, Тверца и Молога, были наполовину въ новгородскихъ рукахъ. Тверь поэтому была перепутъемъ, веселой гостиницей, мѣстомъ всякихъ сплетень и пересудовъ и какъ ни бились ея бояре, ни какъ не могли они при такомъ невыгодномъ положеніи своего княжества сдѣлать изъ него что-нибудь опредѣленное, а колыми паче центръ Россіи.

В. Кельсиевъ.

(Продолженіе будетъ).

Изъ висваденскихъ воспоминаній.

Была, должно быть, середина іюня. Въ числѣ пріѣзжающихъ значилось имя барона Б. изъ В. Господинъ, которому принадлежало это звучное имя, остановился въ первой гостиницѣ; онъ былъ блѣденъ, имѣлъ интересную наружность, маленькія бѣлыя руки, рѣдко являвшіяся безъ лайковыхъ гласированныхъ перчатокъ, — былъ настоящимъ львомъ по части туалета. Обѣдалъ онъ поздно, передъ его приборомъ всегда красовалась бутылка рейнвейна по вечерамъ онъ сидѣлъ въ живописно небрежной позѣ на балконѣ театра и лорнировалъ все и всѣхъ, кромѣ сцены и актеровъ. Въ ресторанахъ онъ расплачивался не глядя и великодушно оставлялъ слугѣ мѣлочъ, которую тотъ приносилъ ему сдачу. Послѣ обѣда, у игорнаго стола, онъ поитировалъ въ банкъ только наполеонами. Словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ любятъ, и которыми интересуются на водахъ.

Утреннія прогулки у источника, правильность, съ которою онъ посѣщалъ концерты и собранія, не пропускалъ ни одного, а главное — его извѣстное старинное имя и красивое новое золото, которое онъ такъ ловко умѣлъ тратить, въ скоромъ времени доставили ему входъ и знакомства во всѣхъ кружкахъ. Не одна

пара прекрасныхъ глазъ привѣтливо поднималась на него, когда онъ входилъ, онъ же, повидимому, весьма мало заботился о благоволеніи молодой части дамскаго общества и скорѣе посвящалъ свое вниманіе болѣе зрѣлымъ цвѣткамъ и — какъ замѣчали — преимущественно тѣмъ, которые цвѣли въ золотыхъ вазахъ. Онъ, въ отношеніи дамъ, былъ антикваръ и кумизматикъ — что же, на свѣтѣ всякіе бываютъ вкусы.

Въ числѣ тепличныхъ растений, особенно отличныхъ имъ, первое мѣсто занимала супруга одного первостатейнаго банкира, возведеннаго въ дворянское достоинство. Мать нѣсколькихъ дочерей, которыхъ она поочереди возила каждый годъ на какія нибудь воды, сама еще отнюдь не отказавшаяся отъ свѣта, особенно отъ ухаживаній, готовая пользоваться всѣми удовольствіями сезона, пока супругъ дома занимался своими дисконтами — она принимала вниманія г. барона Б. съ большимъ удовольствіемъ, и очевидно ставила себя на первый планъ, а старшую дочь свою — на второй. Мать звали Леа, дочь Люси. Первая фамиліарно сошлась съ барономъ, какъ эмансипированная женщина, послѣдняя о немъ мечтала и, можетъ быть, вдвойнѣ мечтала потому что его звали Рудольфомъ — именемъ напоми-

нающимъ ей Парижскія Тайны, сочиненіе бывшее въ то время въ большей модѣ.

При такихъ-то условіяхъ прошло на водахъ четыре недѣли. Рудольфъ между нѣкоторыми женщинами сдѣлался яблокомъ раздора; Леа и Люси торжествовали, потому что когда онъ не обѣдалъ и не игралъ, его всегда видѣли съ ними. Въ немъ не замѣтно было ни малѣйшаго измѣненія — развѣ надо было бы дѣлать кое какія сближенія. Онъ часто освѣдомлялся объ извѣстныхъ окрестныхъ финансистахъ; въ почтамтѣ нѣсколько разъ справлялся о письмахъ, которыя все не приходили; неоднократно ѣздилъ въ Франкфуртъ, гдѣ, между прочимъ сдѣлалъ визитъ мужу Леи и долго у него просидѣлъ; наконецъ увѣрили, будто его видѣли играющимъ на однихъ сосѣднихъ водахъ — можетъ быть для того, чтобы тамъ попытать легковѣрную фортуна, которая упорно не благопріятствовала ему здѣсь. Счетъ отъ гостиницы за послѣднюю недѣлю баронъ забылъ заплатить; прачка въ интимныхъ бесѣдахъ выболтала, что бѣлье г. барона не гармонируетъ съ остальными статьями его туалета; въ игровой залѣ замѣтили, что онъ понтируетъ, хотя все еще золотомъ, однако уже не наполеонами а дукатами, да и то такими иногда легкими и тонкими, которые заставляютъ нерѣдко принимать при извѣстнаго рода выдачахъ или займахъ — словомъ все такія вѣщи, которыя, собранныя вмѣстѣ, могли бы насторожить школьнаго доку, оберкельнера, если бы совершенное спокойствіе, господствовавшее въ кругахъ, въ которыхъ вращался баронъ, и неизмѣнявшееся обращеніе съ нимъ не заставляли молчать всякое подозрѣніе.

Протекло еще двѣ недѣли. Посѣщеніямъ Рудольфа Леи и Люси стали придавать опредѣленный смыслъ, отъ котораго онъ уже не рѣшались положительно отпираться. Въ игорныхъ залахъ его видѣли рѣдко, и всегда разсѣяннымъ; игралъ онъ уже только на серебро — ясно было, что его занимало что нибудь посерьознѣе. Не ошибались. Въ одно прекрасное утро, когда Люси ушла къ какимъ то пріятельницамъ, баронъ велѣлъ доложить о себѣ Леѣ и былъ, само собою разумѣется, принятъ, потому что на водахъ не подчиняться же всѣмъ нелѣпымъ условіямъ городского этикета. Свиданіе было продолжительно. Рудольфъ наконецъ удался съ весьма довольнымъ лицомъ. Вскорѣ затѣмъ маменька приняла дочку сильно взволнованная и растроганная; когда обѣ поуспокоились, онѣ заперлись и каждая съ своей стороны написала длинное посланіе папенькѣ.

Мы живемъ въ вѣкъ, до того дошедшимъ по части быстроты и удобства сообщеній, что, вмѣсто франкированныхъ отвѣтовъ на наши письма, намъ нерѣдко доставляютъ на домъ франкированныхъ людей прямо съ желѣзной дороги. Такъ случилось и теперь: на слѣдующій день явился папенька банкиръ собственной персоной; послѣдовалъ конфиденціальный семейный совѣтъ къ которому, былъ привлеченъ и баронъ а Леа постановила рѣшеніе. Ея горничная рассказывала, что предъявлялись и просматривались какія-то бумаги и что засѣданіе кончилось трогательнымъ финаломъ — семейной группой съ объятіями. Папенькѣ надо было вернуться въ контору, потому что подходило послѣднее число, и баронъ уѣхалъ съ нимъ, но прежде было объявлено о помолвкѣ его съ Люси, за которую, черезъ три недѣли, должна была послѣдовать и свадьба.

Когда Рудольфъ, спустя два дня, воротился отъ нареченнаго тестя, онъ пріѣхалъ не по желѣзной дорогѣ,

а съ малъпостомъ. Швейцару, помогавшему ему вылезти изъ кареты, онъ поручилъ принести на верхъ свою шкатулку, которая оказалась такой тяжелой, что тѣмъ подозрѣнія, отуманившая умы властей въ гостиницѣ «Льва» уступила мѣсто обильнымъ солнечнымъ лучамъ вѣжливости и предупредительности, тѣмъ болѣе что о предстоящемъ бракѣ его на дочери богатаго банкира было извѣстно уже во всѣхъ кружкахъ.

Начались свадебныя закупки. Баронъ рѣшился послать невѣстѣ великолѣпную свадебную корзину, и хотѣлъ непременно угодить на ея вкусъ: неудивительно что онъ сначала посылалъ своей тещѣ на осмотръ и выборъ все, что таскали къ нему отъ ювелировъ. Продавцы были счастливы, — если и немного товара выбирали, — потому что брали только самыя крупныя и цѣнныя вещи. Объ уплатѣ на первыхъ порахъ никто не думалъ: положеніе людей, съ которыми имѣли дѣло, ружалось за выгодный торгъ. Въ виду такой блестящей партіи и такихъ блестящихъ приготовленій въ большинствѣ кружковъ естественно толковали о предстоящемъ бракѣ барона Б. не смотря на разгаръ сезона и постоянные пріѣзды и отъѣзды, и общее вниманіе все болѣе на него обращалось.

Вдругъ, въ одно прекрасное утро, баронъ на людномъ гуляньѣ встрѣтился съ однимъ французомъ въ кругу молодыхъ франтовъ. Они были знакомы, ихъ даже не рѣдко видѣли вмѣстѣ, но на этотъ разъ въ нихъ замѣтно было какое-то сдержанное раздраженіе, которое высказывалось въ колкихъ рѣчахъ. Нашъ левъ долгое время оставался совершенно спокоенъ и по видимому не обращалъ вниманія на нападки; молодежь усмѣхалась и находила въ порядкѣ вещей, что счастливый женихъ старается уклониться отъ непріятностей, но французъ сдѣлался грубъ, и рѣчей его уже нельзя было игнорировать. Баронъ схватилъ его за руку и они отошли на нѣсколько шаговъ въ сторону, тамъ онъ шепнулъ ему что-то на ухо, и получилъ въ отвѣтъ: «Вы меня тамъ найдете!». Разошлись — молодые люди знали, что далѣе будетъ и вечеромъ, въ *réunion dansante* говорили о случившемся какъ о пріятномъ эпизодѣ, о продолженіи котораго надѣялись скоро узнать.

Но до вечера было много времени и баронъ съумѣлъ употребить его съ пользою. Локомотивъ мигомъ принесъ его въ Франкфуртъ; мимоѣздомъ онъ навѣдался къ отцу своей невѣсты и посѣпшилъ въ одну изъ богатѣйшихъ конторъ, гдѣ онъ предъявилъ кредитный циркуляръ отъ знаменитаго дома Каутсъ и К^о на 100,000 франковъ и потребовалъ половины этой суммы. Бумагу осмотрѣли и нашли удовлетворительной; привлекательныя манеры владѣльца, прожившаго довольно долго въ Лондонѣ и знавшаго лично главъ англійской фирмы, какъ оказалось изъ его разговора, точное согласованіе паспорта съ другими предъявленными имъ бумагами — все устраняло возможность сомнѣнія. Къ этому прибавилось еще и то благопріятное обстоятельство, что на документѣ уже красовалась одна хорошо извѣстная подпись: однимъ знакомымъ амстердамскимъ банкирскимъ домомъ было уже выдано барону по этому самому кредитному письму 10,000 фр., но сумма эта, по его просьбѣ, — вслѣдствіи неожиданно подошедшей большой наличной полочки, — была взята назадъ, съ пометкой на документѣ: «Платежъ уничтоженъ по желанію подателя». Не задумались выдать требуемые деньги и часъ спустя герой нашъ катилъ назадъ съ вечернимъ поѣздомъ, съ пятью тысячами золотыхъ. Тотчасъ по

пріѣздѣ, онъ отправился къ невѣстѣ, которая, также какъ и мать ея, ожидала его одѣтая на балъ. Люси была счастлива, что явится въ обществѣ подъ руку съ своимъ женихомъ; она не обратила вниманія на то, что онъ увелъ мать ея въ другую комнату и тамъ долго о чемъ-то съ нею разговаривалъ—она подумала, что ей, можетъ быть, готовятъ сюрпризъ. Баронъ, между тѣмъ, счелъ за лучшее, сказать своей будущей тещѣ объ утренней ссорѣ съ французомъ. Онъ увѣрилъ ее, что ея имя было непочтительно произнесено нахаломъ и что дѣло не можетъ быть улажено иначе какъ оружіемъ, присовокупляя, что строгость мѣстныхъ законовъ ставитъ противниковъ въ необходимость уѣхать на границу сосѣдняго маленькаго княжества, куда они завтра и отправляются. Матап—Леа, польщенная тѣмъ, что ради нея затѣвается ратное дѣло, и весьма уважавшая предписанія рыцарскаго кодекса, какъ и подобаетъ супругѣ новоиспеченнаго барона, побѣдила свою тревогу, тѣмъ-болѣе когда Рудольфъ завѣрилъ ее, что дѣло кончится многомного царяпиной, и не лишитъ его удовольствія провести вечеръ въ кругу общихъ знакомыхъ съ нею и Люси. Такъ и было сдѣлано. Люси не узнала о томъ, что на завтра предстоитъ. Послѣ весьма интимной бѣсѣды на балу, женихъ и невѣста разстались далеко за полночь, и едва успѣло общество разойтись по домамъ, какъ разразилась ужаснѣйшая гроза. Но не смотря на вѣтеръ, дождь и молнію, запоздалые прохожіе еще долго видѣли барона въ окна его квартиры. На слѣдующее утро онъ ранехонько уѣхалъ въ чужомъ экипажѣ.

Теперь, когда Рудольфъ покинулъ городъ—мы уже не можемъ скрыть отъ нашихъ читателей печальной истины, что въ лицѣ его мы познакомили ихъ съ однимъ изъ отмѣннѣйшихъ мошенниковъ новѣйшихъ и древнихъ временъ. Наступилъ часъ разочарованія ювелировъ, и другихъ поставщиковъ, содержателя гостиницы почтенной его присутствіемъ, сосѣднихъ банкирскихъ домовъ и двухъ несчастныхъ, безхлѣбныхъ женщинъ, вопіющимъ образомъ скомпрометированныхъ имъ.

Первые дни его отсутствія маскировалъ слухъ о его мнимой ссорѣ, тѣмъ болѣе что и французъ исчезъ; къ тому же положеніе родителей казалось торговцамъ достаточнымъ ручательствомъ. Но на четвертый день, полицейскій директоръ явился къ Madame Lea и въ секретномъ свиданіи показалъ ей только что полученный приказъ объ арестованіи одного, бѣжавшаго изъ Гамбурга, банкирскаго прикащика, подлежащаго подозрѣнію въ мошенничествѣ, примѣты ко-

торого удивительно подходили къ барону Рудольфу Б. Это было громовымъ ударомъ. Впрочемъ еще можно было предположить случайное стеченіе обстоятельствъ и начальникъ полиціи общалъ пока еще безъ огласки обслѣдовать дѣло. Недолго, однако, возможно было сомнѣніе: нѣсколько дней спустя, пришла жалоба франкфуртскаго банкирскаго дома, у котораго мнимый баронъ вытянулъ 50,000 франковъ по англійскому кредитному письму, поддѣланному такъ искусно, что подлогъ всѣхъ обманулъ. По такой же точно подложной бумагѣ, этотъ задорный французъ, называвшій себя г. де-Пендрѣ, взялъ значительную сумму у мѣстнаго банкира: ясно было, что оба дѣйствовали за одно. При обыскѣ, произведенномъ въ комнатахъ барона, оказалось, что чемоданы его набиты кирпичами, комоды — всякимъ хламомъ. Темная дождливая ночь очевидно благопріятствовала транспорту вещей въ окно, а постройка на заднемъ дворѣ доставила матеріалъ для наполненія чемодановъ.

Взволновались жители, какъ постоянные, такъ и пріѣзжіе. По самымъ умѣреннымъ исчисленіямъ того, что Леа и ея супругъ выдали обманщику, и чѣмъ они, конечно теперь уже не хвастались, онъ ихъ ограбилъ покрайней мѣрѣ на четверть милліона франковъ. Когда молва, уже и скрываемая матерью, дошла до Люси, она заболѣла, но не смотря на болѣзнь ея надо было поспѣшить отъѣздомъ, чтобы спастись отъ насмѣшекъ и злобныхъ демонстрацій.

Деликатный начальникъ полиціи, въ свой послѣдній визитъ печальнымъ дамамъ, выразился при прощаніи, въ слѣдующихъ словахъ: «Вотъ это-то и грустно въ нашемъ положеніи, что мы чужемъ мошенника, покрытаго аристократическимъ лоскомъ въ самомъ лучшемъ, незапятнанномъ обществѣ — и тронуть не смѣемъ его, пока не представится уважительнаго подозрѣнія—а тогда, болѣею частью, поздно».

Прошелъ годъ. Мнимаго г. де-Пендрѣ поймали въ Парижѣ на новомъ мошенничествѣ, онъ былъ признанъ за бѣглаго каторжника и приговоренъ, но не выдалъ передъ судомъ ни одного изъ своихъ сообщниковъ. Мнимый баронъ Рудольфъ Б. съ тѣхъ поръ нигдѣ не показывался и, какъ видно, благополучно переправилъ плоды своихъ трудовъ за океанъ, въ Новый Свѣтъ. Люси, по выздоровленіи, вышла за старшаго бухгалтера своего отца, который поселился въ далекомъ городѣ сѣверной Германіи. Говорятъ, что она исцѣлилась отъ всякаго романтизма и что уста ея никогда не произносятъ нѣкогда столь привычныхъ ей нѣжныхъ словъ.

ДЕШЕВЫЕ ДОМА.

(Окончаніе).

На лондонской рабочей выставкѣ этого года, мы познакомимся съ такими домами въ различнѣйшихъ степеняхъ величины и совершенства. Въ огромной массѣ великолѣпія и всякой ненужной роскоши, наполнившей всемірную парижскую выставку, они обратили вниманіе лишь немногихъ, понимающихъ дѣло, въ особенности практическаго англійскаго присяжнаго Эдвина Чадвика, который такъ энергически рекомендовалъ ихъ англійскимъ членамъ комиссіи земледѣльческаго строительнаго искусства, что они взялись за умъ — и тотчасъ послѣ выставки принялись строить ихъ въ большихъ размѣ-

рахъ. Дома эти изобрѣтены г. Николлемъ, живущимъ въ Лондонѣ *Regent - Circus*, 12. Изготовленіе ихъ слѣдующее.

Въ нихъ совершенно не входитъ ни кирпичъ ни камень, а составляются они изъ плитъ особаго рода цемента, которая свинчиваются какъ панцирные плиты на военныхъ судахъ. Плиты эти обыкновенно четверугольныя и имѣютъ 9 фут. длины, 3 ширины и 3 дюйма толщины. Обращенная внутрь сторона состоитъ изъ трехъ слоевъ соломы, прошитой большей швейной машиной, которые тяжелыми валами пресуются и вы-

глаживаются, потомъ погруженіемъ въ кремнисто-кислую жидкость дѣлаются несгораемыми. Эти три слоя соломы аккуратно обрѣзываются и получаютъ такую форму, чтобъ какъ разъ приходились въ желѣзную раму, которая перекладинами, накрестъ-положенными на разстояніи 8—12 дюймовъ другъ отъ друга, сама поддерживается и даетъ крѣпость соломе. Далѣе солома съ обѣихъ сторонъ вымазывается штукатуркой изъ *асфальтового кремня*, на $\frac{1}{4}$ дюйма толщины, — такъ однако, чтобъ оставались небольшія свободныя мѣста для винтовъ, которыми впоследствии скрѣпляются плиты. Послѣ скрѣпленія, эти мѣста съ винтами также покрываются штукатуркой. Такимъ образомъ ставятъ стѣны и, послѣ постановки, на нихъ съ обѣихъ сторонъ наводится еще смѣсь лучшаго порландскаго цемента съ мелко-исколотымъ камнемъ на полдюйма толщины и придается имъ такая гладкость, что маляръ или обойщикъ удобно могутъ приняться за свое дѣло. Эти стѣны, толщиною въ три дюйма, по меньшей мѣрѣ также крѣпки какъ обыкновенныя стѣны въ пять-шесть разъ толще, — но гораздо выгоднѣе. По милости того обстоятельства, что матеріалъ изъ которого онѣ сдѣланы — дурной проводникъ теплоты, — онѣ, какъ мы уже замѣтили, лѣтомъ гораздо прохладнѣе, зимой гораздо теплѣе обыкновенныхъ стѣнъ, и кромѣ того застрахованы противъ огня, сырости и всевозможныхъ наскоковъ. Отъ огня домъ обезопасенъ тѣмъ, что онъ почти весь, не исключая и крыши, составленъ изъ вышеописанныхъ плитъ, напитанныхъ жидкостью, сообщающей свойство несгораемости, притомъ ни снаружи ни внутри не представляетъ дерева или другихъ легко загорающихся веществъ. Крыша, почти плоская, можетъ (при недостаткѣ мѣста) быть употребляема для развѣшиванія бѣлья, или даже можно устроить на ней садикъ. Внутреннее устройство, по планамъ генерала Морена, обезпечиваетъ зимою возможную теплоту съ вентиляціей и небольшою тратой топлива, особое помѣщеніе для сушенія платья. Такой домъ, готовый, стоитъ, какъ мы уже сказали, 85 ф. ст.; наемная плата за годъ — 3 ф. 18 шиллинговъ, т. е. 50 коп. сер. въ недѣлю, причемъ строители получаютъ 5% на свой капиталъ. У насъ и въ другихъ большихъ городахъ охотно-бы стали платить вдвое больше за счастье имѣть такое жилище, и все-таки это было-бы меньше того, что теперь платится за одну комнату подъ крышей или въ подвалѣ. Такіе домики поменьше можно построить даже за 300—400 р. сер., а если положить

1000, подавно 2000 р., — можно получить настоящія маленькія виллы съ садами и всѣми удобствами для самыхъ утонченныхъ потребностей тѣхъ образованныхъ семействъ, которые теперь толкуются и задыхаются въ нездоровыхъ, тѣсныхъ, лишенныхъ всякаго комфорта квартирахъ, гдѣ нибудь въ пятомъ этажѣ обширныхъ казарменныхъ зданій.

Въ Англіи нѣсколько компаній уже въ видахъ спекуляціи занимаются построеніемъ цѣлыхъ группъ такихъ домовъ — въ особенности «Центральное Общество усовершенствованія коттеджей» (Central-Cottage-Improvement-Society). Самый маленькій домъ изъ нѣсколькихъ плитъ обходится въ 50 ф. — 300 р. Смотря по числу комнатъ и по прочимъ болѣе или менѣе изысканнымъ удобствамъ цѣна возвышается до 200 ф. — 1200 руб. За эту цѣну уже имѣются дома съ восьмью большими топлеными комнатами, кухней, прачешной и пр. У насъ еще не имѣютъ и понятія о подобной благодѣтельной спекуляціи, — и специалисты увѣряютъ, что по близости большаго города нечего и думать поставить домъ сколько нибудь сносный, для одного небольшого семейства, менѣе 5000 р. сер. Надо учиться — вотъ и все. Плиты Николая и употребляемыя уже въ Америкѣ стѣны изъ бумаги — должны-бы по крайней мѣрѣ настолько послужить намъ поощреніемъ, чтобы побудить нашихъ технологовъ поискать у насъ лучшихъ и болѣе дешевыхъ строительныхъ матеріаловъ, въ которыхъ едва-ли будетъ недостатокъ въ землѣ столь богатой непочатыми сокровищами и неизвѣданными средствами, какъ наша Россія. Одно слово «бумажныя стѣны» многихъ насмѣшитъ, однако въ Японіи живутъ же милліоны людей въ цѣлыхъ домахъ изъ бумаги. Понятное дѣло — это не почтовая и не писчая бумага, а густая крѣпкая масса, не боящаяся ни огня ни воды, добываемая изъ бумаги съ прибавленіемъ другихъ веществъ, придающихъ составу твердость. Масса берется въ два слоя, съ промежуткомъ наполненнымъ желѣзной или деревянной рѣшеткой и разными веществами — дурными проводниками тепла, — и соединяетъ всѣ выгоды обыкновенной стѣны со многими другими, которыхъ послѣднія не представляетъ.

Все это, скажутъ, очень хорошо — но гдѣ взять деньги, мѣсто, матеріалы? Найдутся — была-бы охота! Такія плиты не мудрость сдѣлать и у насъ, а капиталы — на всякое своевременное, хорошее дѣло, приносящее вѣрный, хотя-бы и умѣренный барышъ, непременно являются — это доказанный фактъ.

Люблинскій сеймъ.

Въ Люблинѣ, 11 августа 1569 г. въ государственнѣйшій архивъ поступилъ документъ, имѣвшій міровое значеніе: актъ соединенія Польши съ Литвою, составленный Сигизмундомъ Августомъ и принятый собраніемъ чиновъ Литвы и Польши. Задолго передъ тѣмъ уже существовалъ личный союзъ между обоими государствами, притомъ они имѣли одинакіе интересы въ борьбѣ противъ турокъ и Россіи; царствующіе дома ихъ, съ брака Ягеллона литовскаго на польской принцессѣ Гедвигѣ, состояли въ тѣсномъ родствѣ, — и сверхъ того Литва, въ видахъ собственныхъ выгодъ, должна была искать постоянно дружбы своей могущественной, благоденствующей и опередившей ее въ куль-

турѣ, сосѣдки и стараться поддерживать эту дружбу. Такимъ образомъ унія подготовлялась уже двѣсти лѣтъ; окончательному совершенію ея противились гордые главы литовскихъ магнатскихъ родовъ. Этимъ феодаламъ не по нутру было, чтобы государство, котораго они привыкли считать себя хозяевами, слилось съ сосѣднимъ и впродъ образовало съ нимъ одно цѣлое. Но духъ времени былъ сильнѣе воли отдѣльныхъ лицъ. Съ теченіемъ времени сшивалось все болѣе нитей, соединяющихъ оба народа: нравы, обычаи, языкъ, даже самыя юридическіе институты все болѣе отождествлялись, браки и переселенія становились все чаще. Такимъ образомъ союзъ все скрѣплялся да скрѣплялся,

— и когда наконец Сигизмундъ Августъ добровольно отрекся отъ литовскаго престолонаследія, гордыня магнатовъ смирилась, и реальный союзъ вмѣсто личнаго былъ торжественно признанъ на упомянутомъ общемъ сеймѣ въ Люблинѣ представителями свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ обоихъ государствъ.

Эту самую минуту — т. е. ту, когда на люблинскомъ сеймѣ польскіе и литовскіе магнаты присягаютъ уніи — даровитый художникъ Матейко выбралъ сюжетомъ своего послѣдняго творенія, составляющаго съ нѣкотораго времени предметъ удивленія истинныхъ цѣнителей искусства. Надѣмся, что прилагаемый рисунокъ дастъ нашимъ читателямъ понятіе объ этомъ замѣчательномъ произведеніи. Не смотря на множество фигуръ, изъ которыхъ каждая пластически выступаетъ, во всей картинѣ господствуетъ изумительная стройность въ сочетаніи лицъ и пышныхъ костюмовъ — чудо искусства. Посрединѣ зала стоитъ король Сигизмундъ Августъ съ поднятымъ въ рукѣ распятіемъ, кругомъ его — духовные и свѣтскіе чины, справа — епископъ краковскій, который вслухъ читаетъ формулу присяги; примасъ Уханскій, въ полномъ облаченіи, держитъ на табуретѣ раскрытое Евангеліе: передъ нимъ на колѣнахъ стоитъ кастелланъ Сборовскій, который держитъ въ одной рукѣ документъ Уніи, и два пальца другой руки положилъ на начальныя буквы Евангелія; подлѣ него, со шлемомъ и жезломъ въ рукахъ, на колѣнахъ же, стоитъ Мѣлецкій, а рядомъ съ нимъ на первомъ планѣ — съ опущеннымъ мечомъ — князь Радзивиль, прозванный Рыжимъ, и нѣсколько другихъ сановниковъ. На право, на возвышенномъ мѣстѣ, на заднемъ планѣ, является королева Анна съ ея дворомъ; въ правомъ углу, какъ бы для украшенія, хорошенькій нажъ, полурастянувшійся на коврѣ. Справа же, почти на первомъ планѣ, поэтъ Модржевскій восторженно вводитъ въ залу крестьянина и показываетъ ему величественную сцену; а около центра рядомъ, обнявшись, стоятъ два брата Острогскіе. Съ лѣвой стороны, на первомъ планѣ медленно поднимается со своего кресла старецъ, епископъ литовскій, поддерживаемый кастелланомъ Ласкимъ. Сзади его сидитъ, съ подня-

тыми руками и съ благословляющимъ жестомъ, знаменитый Гозій, епископъ эрмеландскій, въ кардинальскомъ облаченіи; на его кресло опирается воевода Гурка; совсѣмъ въ сторонѣ стоитъ великій маршалъ Фирлей, глава недовольныхъ, и надменно, почти съ презрѣніемъ смотритъ на происходящее; слѣва же, на заднемъ планѣ — пестрая толпа шляхтичей съ руками, поднятыми жестомъ присяги. Въ выраженіи этихъ многочисленныхъ лицъ художникъ съумѣлъ представить величайшее разнообразіе. Изъ полной достоинства осанки короля и строгаго съ примѣсно грусти выраженія его лица, изъ непреклонной мины рыжого Радзивила, прописической полугримасы коновода недовольныхъ Фирлея и восторженности присягающаго Сборовскаго — можно наглядно представить себѣ всю предварительную исторію уніи, предшествующую совершенію ея борьбу партій со всѣми ея оттѣнками. Различные типы старинныхъ поляковъ тоже переданы съ удивительной исторической вѣрностью и характеристичностью.

Изложивъ содержаніе картины, скажемъ слово о талантливомъ живописцѣ. Іоаннъ Алоизій Матейко родился въ Краковѣ, 30 іюля 1838 г.; въ его родномъ городѣ было положено начало его артистическому образованію: онъ занялся живописью въ краковской художнической школѣ подъ руководствомъ Адальберта Штаттлера. На двадцатомъ году онъ получилъ отъ мюнхенской академіи художествъ бронзовую медаль. Въ 1860 году онъ поступилъ въ вѣнскую академію и съ безконечнымъ усердіемъ посвятилъ себя своему искусству. Въ то же время онъ изучалъ исторію, преимущественно польскую, и знакомился съ типами старинныхъ поляковъ, о чемъ свидѣлствуетъ собраніе его этюдовъ — все польскіе національные типы и костюмы. Специальностью его всегда была историческая живопись — и въ своихъ этюдахъ и композиціяхъ онъ изобразилъ всѣ главные моменты польской исторіи. Изъ наиболѣе значительныхъ его твореній приведемъ: «Отравленіе королевы Боны», «Іоаннъ Казиміръ на пожарѣ въ Краковѣ», «Проповѣдь Скарги», наконецъ «Гродненскій сеймъ». Въ одномъ изъ ближайшихъ №№, будетъ помѣщена обширная статья о Люблинскомъ сеймѣ.

Политическое обозрѣніе.

Гроза, висѣвшая надъ Европой, разразилась наконецъ, и 15-го (3-го) іюля телеграфъ разнесъ повсюду роковую вѣсть: «Война объявлена!».... Отношенія между Франціей и Пруссіей были такъ натянуты съ 1866 года, что столкновение должно было произойти неизбежно; тѣмъ не менѣе разрывъ послѣдовалъ въ такую минуту, когда его менѣе всего ожидали. Настоящая причина войны — это усиленіе Пруссіи, которая съ 1866 года поглотила почти всю Германію: въ такъ-называемомъ Сѣверо-Германскомъ Союзѣ она полная распорядительница, а государства Южной Германіи (Баварія, Виртембергъ и Баденъ) связаны съ ней такими трактатами, что имъ осталась только тѣнь независимости. Франція не могла смотрѣть безъ зависти на возрастающее могущество своего сосѣда, голосъ котораго сталъ первенствующимъ на материкѣ Европы, — и національное самолюбіе французовъ, изъ которыхъ чуть ли не каждый мечтаетъ о естественныхъ границахъ, то-есть о присоединеніи всего лѣваго берега Рейна, было возбуж-

дено до крайности. Горючіе матеріалы національной вражды и соперничества скопились все болѣе и болѣе, и одной искры достаточно было чтобъ произвести страшный взрывъ, послѣдствіемъ котораго должно было потрясеніе всей Европы. Искрой этой была кандидатура принца Леопольда Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ.

Читателямъ извѣстно, что временное испанское правительство, въ главѣ коего стоитъ регентъ Серрано, но въ которомъ распоряжается маршалъ Примъ, давно уже отыскивало себѣ короля между членами царствующихъ домовъ; — но къ кому ни обращался Примъ, дѣло не устроивалось, и наконецъ онъ остановилъ свой выборъ на принцѣ Леопольдѣ гогенцоллерн-зигмарингенскомъ.

Принцъ Леопольдъ, старшій сынъ князя Антона (отрекшагося въ 1849 году отъ владѣтельныхъ правъ на свое княжество въ пользу Прусскаго короля и получившаго право принца крови царствующаго дома),

родился въ 1835 году, въ супружествѣ состоитъ съ принцессой Антонією португальскою, сестрою царствующаго короля донъ-Луиса, отъ которой имѣетъ уже трехъ сыновей. У него два брата: Карлъ, нынѣ князь румынскій, и Фридрихъ, котораго сначала газеты сочли кандидатомъ на престолъ Испаніи. Объ избраніи принца гоценцоллернскаго ходили слухи въ прошедшемъ году, но формальное предложеніе принцу и принятіе имъ престола—все-таки поразили неожиданностью французское правительство и возбудили его опасенія. Принцъ прусскаго царствующаго дома на испанскомъ престолѣ могъ сдѣлаться самымъ опаснымъ сосѣдомъ Франціи на югѣ, имѣя поддержку въ Пруссіи, столь грозной для Франціи на востокѣ. Въ обоихъ палатахъ представлены были запросы министерству о кандидатурѣ принца гоценцоллернскаго. Въ законодательномъ корпусѣ 6-го іюля герцогъ де-Грамонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, отвѣчая на запросъ, объявилъ, что подробный отчетъ о положеніи этого столь-важнаго вопроса онъ дастъ въ засѣданіи 15-го іюля, но что во всякомъ случаѣ правительство счумѣетъ поддержать честь и достоинство Франціи; такое же заявленіе сдѣлано было министромъ и въ сенатѣ. Между тѣмъ, тюрлерійскій кабинетъ предписалъ послу своему въ Берлинѣ графу Бенедетти отправиться въ Эмсъ, испросить аудіенціи у короля прусскаго, находившагося тамъ на водахъ, и потребовать у него, чтобы онъ приказалъ принцу Леопольду отречься отъ кандидатуры на испанскій престолъ. Въ отвѣтъ на представленіе г. Бенедетти король отвѣчалъ, что онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ въ качествѣ главы семейства, но отнюдь не въ качествѣ короля прусскаго,—что онъ не давалъ принцу Леопольду приказанія принять испанскую корону, и слѣдовательно не можетъ и дать такового на отреченіе отъ оной. На второй аудіенціи 11-го іюля, на настоятельное требованіе г. Бенедетти, король отвѣчалъ, что принцъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и что королю даже неизвѣстно, гдѣ находится въ настоящую минуту послѣдній, имѣвшій намѣреніе предпринять поѣздку на Альпы. 13-го утромъ, во время гулянья на водахъ, когда получено было извѣстіе объ отреченіи принца Леопольда, король сказалъ г-ну Бенедетти, что онъ считаетъ это дѣло поконченнымъ; но посолъ потребовалъ у короля положительнаго увѣренія, что и впредь его величество не дастъ своего согласія на испанскую кандидатуру. Король отвѣчалъ положительнымъ отказомъ, и потомъ, когда посолъ испрашивалъ новой аудіенціи, то онъ приказалъ сказать г-ну Бенедетти черезъ своего адъютанта, что ему нечего обсуждать этотъ предметъ, и что дальнѣйшіе переговоры должно предоставить министерству.

Между тѣмъ объ отреченіи принца Леопольда извѣстился тюрлерійскій кабинетъ телеграммой отца принца, принца Антона, и почти одновременно представилъ о томъ же официальное увѣдомленіе испанскій посолъ въ Парижѣ г. Олосага.

Этимъ дѣломъ, казалось бы, должно было естественно кончиться. Но въ это самое время герцогъ Грамонъ пригласилъ къ себѣ прусскаго посла, барона Вертера, на свиданіе съ собою и министромъ Оливье, и объявилъ ему, что отреченіе принца Франція считаетъ «обстоятельствомъ второстепеннымъ» («Nebensache» сказано въ подлинной депешѣ Вертера къ королю по этому поводу), «такъ какъ она во всякомъ случаѣ никогда не допустила бы принца сѣсть на испанскій пре-

столъ», и что для успокоенія встревоженнаго общественнаго мнѣнія и взволнованныхъ палатъ требуется экстренная миротворная мѣра со стороны короля Вильгельма, которому вѣроятно его «рыцарское сердце» внушитъ лучший исходъ. Въ то же время, однако, министры не преминули и указать на единственное, по ихъ мнѣнію, средство къ сохраненію мира, а именно: чтобы король написалъ императору письмо съ выраженіемъ сожалѣнія о случившихся недоразумѣніяхъ, съ объясненіями, завѣреніями могущими служить гарантіями на будущее время,—однимъ словомъ, почти формальное извинительное письмо. Вотъ это послѣднее требованіе раздражило до крайности національное чувство въ Германіи и сдѣлало всякій исходъ кромѣ войны невозможнымъ. Баронъ Вертеръ за слишкомъ умѣренный, даже кроткій отвѣтъ французскимъ министрамъ получилъ строжайшій выговоръ отъ союзнаго канцлера и не только лишился настоящаго званія, но потерялъ всю свою дипломатическую карьеру. Оливье и Грамонъ съ другой стороны, въ засѣданіи законодательнаго корпуса 15-го іюля, по прежнему упорно отказывались предъявить или даже прочитать документы, относящіеся къ переговорамъ и объявленію войны, которыхъ настойчиво требовали Араго, Жюль Фавръ, Тьеръ и другіе члены враждебной войнѣ оппозиціи,—и только изустно рассказали ходъ переговоровъ. Въ заключеніе министры объявили: «при такихъ обстоятельствахъ дальнѣйшія попытки къ примиренію были невозможны: это значило бы забыть о достоинствѣ Франціи. Мы не пренебрегли ничѣмъ, чтобы устранить войну; но будемъ готовиться къ ней, коль скоро насъ къ тому вынуждаютъ».

Обѣ палаты отвѣчали громкимъ одобреніемъ на рѣчи министровъ, и въ тотъ же день утверждены были почти единогласно чрезвычайные кредиты по министерствамъ военному и морскому. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовало созваніе резервовъ, и начались дѣятельныя передвиженія войскъ и вооруженія судовъ.

Немедленно послѣ разрыва, въ Пруссіи созванъ былъ рейхстагъ въ чрезвычайную сессію, которая и открылась 19-го іюля рѣчью короля, тотчасъ же прибывшаго изъ Эмса въ Берлинъ. По словамъ прусскихъ газетъ, населеніе столицы встрѣтило его восторженными кликами, пѣніемъ народнаго гимна, иллюминаціями и проч., что ясно свидѣтельствовало, какъ популярна война, которую прусское правительство предпринимало противъ Франціи. При открытіи рейхстага, король произнесъ рѣчь, въ которой онъ сказалъ между прочимъ слѣдующее:

«Кандидатура на испанскій престолъ, въ принятіи и устраненіи которой не участвовали союзныя правительства, представляла для Сѣверо-германскаго Союза лишь тотъ интересъ, что, посредствомъ ея, дружественная нація, испытанная многими бѣдствіями, надѣялась установить у себя прочное и мирное правительство; но она подала правительству императора французовъ предлогъ къ войнѣ, которымъ это правительство и воспользовалось въ формахъ, доселѣ невиданныхъ въ дипломатическомъ мірѣ. Если въ прежнія времена Германія безмолвно переносила такіа нарушенія правъ и оскорбленія чести, то потому только, что она была раздѣлена и не сознавала своей силы. Нынѣ, когда союзъ юридическій и духовный твердо скрѣпилъ ея разрозненныя части, она сознаетъ въ себѣ достоинство силы и воли, чтобы дать отпоръ притязаніямъ и честолюби-

вымъ замысламъ Франціи. Союзныя правительства, такъ же какъ и я самъ, дѣйствуютъ съ сознаніемъ, что побѣда и пораженіе находятся въ рукахъ Бога браней. Мы яснымъ взоромъ измѣрили отвѣтственность, которой подлежитъ тотъ, кто возбуждаетъ губительную войну между двумя великими народами въ самомъ средоточіи Европы. Оба народа — германскій и французскій — равно пользовались благами христіанскаго существованія и развитіемъ современнаго прогресса. Но повелитель Франціи воспользовался въ своихъ личныхъ интересахъ шекотливостью національнаго чувства, возбужденнаго имъ во Франціи. По примѣру отцовъ нашихъ, мы будемъ сражаться за наши права и свободу противъ насилія иноземныхъ завоевателей. Въ этой борьбѣ, которая должна упрочить постоянный миръ въ Европѣ, Богъ будетъ съ нами, какъ Онъ былъ и съ отцами нашими!»

Рѣчь эта вызвала бурное одобреніе рейхстага, который отвѣчалъ королю патріотическимъ адресомъ, выразивъ готовность принести всевозможныя жертвы на пользу отечества, — и, утвердивъ всѣ кредиты, которыя требовало правительство на военные расходы, закрылъ свои засѣданія до 31-го декабря 1870 года. Между тѣмъ сдѣланы были немедленныя распоряженія о поставленіи арміи и ландвера на военную ногу, начались передвиженія войска; но на какомъ пунктѣ послѣдуетъ столкновение — теперь еще рѣшить трудно. До сихъ поръ мы имѣемъ только извѣстіе, что 19-го іюля французскій отрядъ, вѣроятно самый незначительный, производилъ рекогносцировку около Саарбрюкена (недалеко отъ Кельна), и что 21-го іюля войско Саарбрюкенскаго гарнизона обмѣнялось выстрѣлами съ французскими стрѣлками, причемъ однако дѣло обошлось безъ кровопролитія; да еще изъ послѣднихъ французскихъ газетъ узнаемъ, что прусскіе солдаты появлялись на французской территоріи близъ Тіонвилля.

Важный вопросъ, какое положеніе примутъ великія европейскія державы въ настоящей войнѣ между Франціей и Пруссіей, повидимому не подлежитъ сомнѣнію: сколько можно судить по всѣмъ извѣстіямъ, то онѣ будутъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ. Что касается южно-германскихъ государствъ, то связанныя съ Пруссіей военными трактатами, онѣ уже объявили себя на ея сторонѣ и предписали (Баварія и Виртембергъ) поставить на военную ногу свои войска, надъ которыми главное начальство приметъ наследный принцъ прусскій. Бельгія, положеніе которой особенно опасно, несмотря на нейтралитетъ, обезпеченный ей трактатами, получила удостовѣреніе отъ Франціи и Пруссіи, что война не коснется ея территоріи; въ томъ же самомъ, какъ слышно, поручилась ей и Англія, которая, по всей вѣроятности, тогда лишь приметъ участіе въ войнѣ, когда нарушена будетъ неприкосновенность Бельгіи.

Въ виду начинающейся войны, читателямъ, конечно, будетъ интересно знать, какими силами обладаютъ обѣ воюющія державы.

Въ отчетѣ, представленномъ законодательному корпусу передъ открытіемъ нынѣшней сессіи, сказано, что число французскихъ войскъ простирается до 647,172 человекъ, изъ которыхъ 434,356 въ дѣйствующей арміи, а остальные въ резервѣ. Изъ числа дѣйствующихъ войскъ, около 63,000 находится въ Алжирѣ и 5,252 въ Папской Области. Передъ объявленіемъ войны въ сборѣ было уже 365 тысячъ и значительная часть резерва, созданная для обычныхъ лѣтнихъ экзерцицій.

Сверхъ того, закономъ 1-го февраля 1868 года положено: организовать подвижную національную гвардію, въ составъ которой входятъ всѣ французы отъ 20-ти до 25-лѣтняго возраста. Гвардія эта назначается, въ случаѣ войны, для защиты крѣпостей и отправления службы внутри государства. Въ подвижную національную гвардію уже записано 560,174 человекъ, и на многихъ пунктахъ она уже сформирована окончательно. Военныя приготовленія Франціи, по указанію того же отчета, сдѣланы въ огромныхъ размѣрахъ. Къ 1-му января 1870 года было уже готово 1,973,115 ружей новой системы и болѣе двухъ миллиардовъ патроновъ. Въ войскахъ и складахъ еще въ 1868 году было болѣе 3½ миллионъ ружей. Число новыхъ пушекъ доходитъ до десяти тысячъ. Крѣпости на восточной и сѣверной границѣ, Валансьеннъ, Мезьеръ, Верденъ, Мецъ, Бельфоръ, Стразбургъ, Безансонъ и другія, значительно усилены въ послѣднее время. Въ инженерныхъ полкахъ люди специально обучены разрушенію и возстановленію желѣзныхъ дорогъ; приняты всѣ мѣры для быстрой посадки войска въ вагоны, устроены новые госпитали и магазины для запасовъ всякаго рода.

Войска Сѣверо-германскаго Союза въ мирное время простираются до 320,000 человекъ; въ военное цифра эта можетъ быть доведена до 552,000. вмѣстѣ съ ландверомъ армія Союза доходитъ до 977,000 — и полагаютъ, что она можетъ быть вся собрана въ двѣ недѣли. Сверхъ того, южныя государства Германіи могутъ выставить слѣдующія силы: Баденъ — 25 тысячъ дѣйствующаго войска и 8 ландвера; Виртембергъ — 33 тысячи перваго и 10 тыс. втораго; Баварія — 86 тыс. арміи и 26 тыс. ландвера; значить южно-германскія государства доставятъ всего 166 тыс. дѣйствующаго войска и 144 тыс. ландвера.

Такимъ образомъ читатели видятъ, что силы, которыми можетъ располагать Пруссія, численностью значительно превосходятъ силы Франціи. Но зато морскія силы Германіи ничтожны передъ французскими. Франція имѣетъ слѣдующій совершенно готовый флотъ: 55 панцырныхъ, 233 винтовыхъ и 48 колесныхъ пароходовъ и 100 парусныхъ кораблей. На нихъ 4.780 пушекъ, 72,000 экипажа и до 28 тыс. морской пѣхоты. Сверхъ того, 27 судовъ строятся и могутъ быть легко вооружены и пущены въ море. Что касается до сѣверо-германскаго флота, то онъ весь состоитъ изъ 89 судовъ, болѣею частью мелкихъ съ 563 пушками.

Грозныя военныя событія отодвинули на второй планъ всѣ прочіе вопросы, занимавшіе общественное мнѣніе Европы. Даже ватиканскій соборъ, обратившій на себя такое напряженное вниманіе, потерялъ всякій интересъ, — а между тѣмъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, догматъ о папской непогрѣшимости, для котораго соборъ и созданъ былъ соборъ, утвержденъ на торжественномъ засѣданіи 18-го іюля большинствомъ 533 голосовъ противъ двухъ. Какія послѣдствія будетъ имѣть утвержденіе этого догмата — покажетъ будущее, но теперь оно увѣнчало всѣ желанія Пія IX и руководящихъ имъ ультрамонтановъ и іезуитовъ.

Изъ нѣсколькихъ только-что полученныхъ нами писемъ изъ Германіи, очевидно, что народный энтузіазмъ достигаетъ небывалыхъ размѣровъ. «Война — вотъ нынче единственный лозунгъ, пишутъ въ одномъ изъ нихъ. — Надо видѣть, какую чертовщину вызвало это одно слово! Это святая война, это — крестовый походъ!»

Лиса съ добычей.

ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О СОБАКАХЪ,

(Продолженіе).

III.

Разсказываютъ объ одной собакѣ, которая переломила себѣ лапу и была исцѣлена въ ветеринарной клиникѣ, что она однажды явилась къ воротамъ съ другой собакой—тоже съ переломленной лапой. Швейцаръ понялъ ея намѣреніе—и товарищъ ея былъ опредѣленъ и также исцѣленъ. Такимъ добрымъ самаряниномъ другъ мой Боксъ еще не заявилъ себя, однако доброта и состраданіе—добродѣтели далеко не чужды ему. Рядомъ со мною живетъ бѣдный точильщикъ, у котораго большой черный песъ. Бѣдный Арапка въ потѣ морды своей зарабатываетъ себѣ скудный кусокъ чернаго хлѣба—таская съ примѣрной охотой и самопожертвованіемъ телѣжку, на которой господинъ его возитъ свой точильный аппаратъ. Этому-то достойному труженику Боксъ таскалъ не одну вкусную кость, не одинъ кусокъ мяса или свѣжаго хлѣба, который онъ и самъ съ удовольствіемъ бы уплелъ. Правдивость заставляла меня признаться, что эта ненасытимая прожорливость кладетъ нѣкоторую тѣнь на характеръ его, и иногда побуждаетъ его къ ничѣмъ не оправдываемымъ посягательствамъ на съedomую собственность моей хозяйки—добро бы еще только на мою.

Заклучу свою біографическую замѣтку забавной исторіей о моемъ другѣ Боксѣ и почтенномъ пріятелѣ Иванѣ Ивановичѣ, — томъ самомъ, который (если помнитъ читатель) находитъ сигары мои такими вкусными.

Я прошлымъ лѣтомъ долженъ былъ уѣхать на два дня къ одному знакомому, а съ нимъ—на охоту. Бокса брать было неловко, потому что жена моего знакомаго питаетъ къ нему нѣкоторую нервную антипатію. Пріятель мой Иванъ Ивановичъ тотчасъ же вызвался побыть съ нимъ для компаніи;—«знаете, оно на всякій случай лучше,» объяснялъ онъ мнѣ: «чтобъ на вашей квартирѣ остался вѣрный человекъ, а то—знаете—мазурники здѣсь бѣдовыя—какъ разъ пронохаютъ что васъ нѣтъ—воспользуются». Я поставилъ на столъ ящикъ съ сигарами, дружески пожалъ Ивану Ивановичу руку а Боксу лапу—и поѣхалъ на дачу, въ сопровожденіи моего денщика, Питта и Ундины. На слѣдующій вечеръ я, въ наилучшемъ расположеніи духа, возвратился домой. Звоню—никто не открываетъ; только Боксъ, слышу, востъ гдѣ-то вдали. Приходитъ хозяйка и докладываетъ, что Иванъ Ивановичъ вѣрно, дескать, передумалъ, и не ночевалъ у меня въ квартирѣ, потому что, какъ она ни звонила и ни стучала утромъ, онъ ей не отпиралъ, да и весь день не показывался; только Боксъ каждый разъ вылъ, а такъ какъ ей ключа не оставлено, она не могла даже покормить его. Ключъ сидѣлъ въ замкѣ, стало быть и я со своимъ ключомъ не могъ ничего подѣлать. Значитъ, Иванъ Ивановичъ тутъ—чего же онъ не отпиралъ? Неужели несчастіе случилось?... Съ помощью слесаря мы наконецъ вошли. Все въ порядкѣ. Боксъ востъ въ спальнѣ. Отворяю дверь не безъ біенія сердца—вѣдь ударъ чего добраго, хотя пріятель мой Иванъ Ивановичъ и очень худощавъ—и глазамъ моимъ представляется зрѣлище, котораго я во вѣки не забуду. На моей постели, въ полнѣйшемъ пеглиже, смертельно-блѣдный, со впалыми глазами, съ крупными каплями пота на лбу—сидитъ мой почтенный пріятель; а другъ мой Боксъ стоитъ передъ нимъ, положивъ переднія лапы на постель и смотритъ

на меня большими, свѣтящимися недобрымъ огнемъ, торжествующими глазами.—«Господи помилуй, Иванъ Ивановичъ, что это за комедія? Еще восьми часовъ нѣтъ, а вы уже легли, хоть бы отворили—неужто не слышали, какъ я звонилъ и стучалъ?»—«Я, Петръ Петровичъ, эти сутки буду помнить, хотя бы дожилъ до ста лѣтъ. Я въ Севастополѣ стоялъ подъ градомъ пуль—и ничего; а это—это чортъ знаетъ что такое! Да ежалтесь же наконецъ и отзовите это чудовище отъ постели... Я думаю: я посѣдѣлъ, а? вѣдь есть примѣры—Марія-Антуанета—а она того не пережила что я... О, Господи, что-то скажетъ моя Марья Ивановна!»—«Да разскажите же наконецъ толкомъ»...—«Сначала дайте хоть кусочекъ хлѣба, глотокъ вина—во всѣ эти сутки у меня во рту ничего не было.» Не скоро удалось мнѣ настолько подкрѣпить и успокоить моего пріятеля, чтобы услышать отъ него связный разсказъ. Оказалось слѣдующее. Онъ наканунѣ пришелъ домой въ наилучшемъ настроеніи, закурилъ сигару и легъ въ постель съ номеромъ «Голоса». Боксъ спокойно лежалъ на своей медвѣжьей шкурѣ и зѣвалъ. Но вдругъ, когда Иванъ Ивановичъ хотѣлъ встать за второй сигарой, Боксъ поднимается съ гнѣвно-сверкающими глазами и сердитымъ ворчаньемъ, точно его озарила внезапная мысль. Сколько разъ ни пробуетъ Иванъ Ивановичъ ублажить его ласками и добрымъ словомъ и сколько разъ ни высовываетъ изъ подъ одеяла ногу—Боксъ кладетъ лапы на край постели, ворчитъ и скалитъ зубы. Иванъ Ивановичъ полумертвый падаетъ на подушки: онъ уже думаетъ—собака взбѣсилась. Боксъ какъ черберъ какой стоитъ у кровати. Нѣсколько разъ еще несчастный плѣнникъ пробуетъ задобрить его и сползти съ постели—напрасный трудъ! Какъ показывается его нога, такъ ужасныя лапы опять являются на краю постели, страшно сверкающіе глаза впереются въ него, горячее дыханіе касается его щеки. Дѣло въ томъ, что Бокса вдругъ съ чего-то обуяла мысль, будто-бы Иванъ Ивановичъ своевольно расположился у меня и не имѣетъ законнаго права курить мои сигары. Испугъ и подобострастіе его арестанта еще пуще утверждаютъ въ немъ эту *idée fixe*. Наступаетъ день, но спасенія не приноситъ, ибо Боксъ по прежнему ему не даетъ шевельнуться, и при малѣйшей его попыткѣ закричать на помощь—поднимаетъ неистовый вой. «Ни кусочка чего нибудь, ни глотка воды сумасшедшій не далъ мнѣ до-стать—ни даже сигары, хотя ящикъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ кровати!» Такъ кончилъ мой пріятель свою трогательную повѣсть, и съ тѣхъ поръ все какъ-то не довѣряетъ Боксу—но сигаръ у меня значительно меньше выходитъ.

Чтобы не надоѣсть читателямъ третьей панегирикой какъ первыя двѣ, ограничу свой хвалебный гимнъ моей старухѣ Удинѣ замѣчаніемъ, что она въ свое время была да и теперь есть (насколько позволяютъ ей престарѣлые года) идеалъ охотничьей собаки, а сколько рѣдкихъ и драгоценныхъ качествъ содержатъ въ себѣ эти три слова—знаетъ каждый кто хоть нѣсколько разъ съ ружьемъ ходилъ. Впрочемъ, она обязана своимъ существованіемъ такому умному, превосходно-воспитанному отцу и такой образцовой матери, что иначе и быть не могло—потому что унаслѣдованіе дѣтскими качествами родителей, которое мы часто видимъ

у людей, у собак—общее правило. Стоялъ я однажды съ полкомъ въ небольшомъ городѣ, и былъ приглашенъ въ имѣніе за нѣсколько верстъ на иманины. Я взялъ отпускъ на три дня, и передъ отъѣздомъ нѣжно простился съ Ундиной (матерью) и ея четырьмя прелестными малютками. Она хотѣла было идти за мною, но я поспѣшно заперъ за собой дверь. На слѣдующее утро слышу—скребъ и тихій визгъ у двери моей комнаты; отворяю—Ундина, да не одна а всѣмъ комплектомъ! Щенята рѣзвились около нея, свѣжохоньки и здоровехоньки. Только мать была до смерти измучена—и едва имѣла настолько силы, чтобы полизать мнѣ руку. За то ужъ и ходилъ я за нею какъ за ребенкомъ. На третій день мы всѣ вмѣстѣ поѣхали назадъ и благополучно прибыли домой къ немалой радости моего деньщика, который сильно горевалъ и недоумѣвалъ объ исчезновеніи нашей любимицы и ея хорошенекъ. Я долго не могъ въ толкъ взять, какъ могла она сдѣлать такое путешествіе, и только впоследствии, при помощи разныхъ опытовъ, удостоверился, что она тихонько вытащила щенятъ на улицу, когда стемнѣло, потомъ одного за другимъ пронесла—стало быть восемь разъ въ теченіи четырнадцати часовъ пробѣжала пяти-шестиверстное разстояніе между нашимъ городкомъ и имѣніемъ, въ которое я былъ приглашенъ. Послѣ этого подвига я уже оставилъ ей только одного щеночка, а къ другимъ пригласилъ кормилицу—дворяшку, чтобы дать бѣднягѣ оправиться вполне.

Въ дополненіе къ рассказамъ о моихъ собственныхъ собакахъ, подѣлюсь съ читателями еще нѣсколькими собачьими куріозами, комическими или трогательными случаями изъ собачьихъ біографій, видѣнныхъ, слышанныхъ или читанныхъ мною, которые я вспомнилъ послѣ того какъ писалъ свою первую статью, трактующую о знаменитыхъ собакахъ и собакахъ знаменитыхъ людей. Въ числѣ послѣднихъ собакъ непростительной несправедливостью было бы забыть собачку Шиллера.

Когда великій поэтъ писалъ въ Мангеймѣ, для театра, въ 1783 г. онъ изъ актеровъ особенно близко сошелся съ молодымъ талантливымъ Гейрихомъ Беккомъ и его хорошенькой, милой женой. Ему отроду было бывать у юной, счастливой четы. Ему давно хотѣлось сдѣлать молодой женщинѣ маленькій подарокъ—на большой не хватило бы его кармана. Г-жа Беккъ какъ-то въ разговорѣ сказала, что ей хотѣлось бы имѣть хорошенькую комнатную собачку. Шиллеръ тотчасъ же въ умѣ рѣшилъ исполнить ей желаніе. Въ слѣдующій разъ какъ онъ вечеромъ вошелъ къ друзьямъ, изъ подъ его плаща раздался громкій лай: это была прелестная болошка, съ мягкими какъ шелкъ волосами, длинными ушами, бѣлая съ темно-желтыми пятнами. Молодая женщина какъ ребенокъ обрадовалась дорогому подарку и милому вниманію друга: не знала она что на цѣпочкѣ съ большими брелоками въ этотъ вечеръ у Шиллера не было часовъ,—ему пришлось заложить ихъ, чтобы заплатить за собачку. Прошло два года, Шиллеръ гостилъ у пріятеля своего Кернера, на его прекрасной дачѣ, доканчивалъ Донъ-Карлоса и писалъ исторію Отпаденія Нидерландовъ. Вдругъ къ нему явился прекуріозный гость: директоръ кочующаго обезьяняго и собачьяго театра, который выражался напыщенно, съ пафосомъ, называлъ поэта «любезный собратъ» и пригласилъ его на представленіе своей трагедіи, свободно передѣланной съ Шиллеровой, подъ названіемъ «Амалия, невеста разбойника», причемъ онъ не

двусмысленно давалъ понять, что твореніе Шиллера значительно выиграло отъ этой передѣлки. Шиллеръ съ большимъ юморомъ вналъ въ тонъ г. директора; въ назначенный вечеръ, онъ сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ и смѣялся, какъ въ жизнь свою не случалось ему смѣяться, надъ уморительными прыжками разбойничьяго атамана Карла Моора, страшно безобразной обезьяны—и надъ поправками его достойнаго «собрата». Наконецъ открылась сцена, давно съ нетерпѣніемъ ожидаемая, особенно женской половиной юной публики: первое появленіе невесты разбойника, Амалии. На сцену вышла прелестная собачка, болошка, бѣлая съ темно-желтыми пятнами, въ длинномъ красномъ платьѣ со шлейфомъ, въ бѣлой шляпкѣ съ зелеными лентами и пестрыми перьями, съ маленькимъ ружьемъ черезъ плечо—и сыграла свою роль премило, къ великому восторгу публики, особенно малолѣтней. Но вдругъ Амалия запнулась въ своей пантомимѣ, по ней пробѣжала дрожь, она поднялась еще выше на заднихъ лапкахъ, ноздри ея раздулись, все напряженіе глядѣла она въ партеръ—она громко залаяла, полурадостно, полупечально, однимъ скачкомъ очутилась за рампою, на колѣняхъ у Шиллера; дрожа и визжа ластилась она къ нему, лизала ему руки и лицо, и вдругъ упала—мертвая... По справкамъ оказалось, что жена актера умерла вскорѣ послѣ отъѣзда Шиллера изъ Мангейма, а собачка ея перешла въ другія руки, наконецъ въ руки директора обезьяняго и собачьяго театра. Послѣ долгой, мучительной дрессировки внезапная радость свиданія со старымъ другомъ, напомнившимъ ей давнишнія счастливыя времена, убила Амалию.

Знаменитый американскій романистъ, Фениморъ Куперъ, тоже очень любилъ собакъ, а также и другихъ животныхъ. Онъ держалъ трехъ прирученныхъ зайцевъ, и его большая умная собака изъ любви къ нему сумѣла побѣдить свою врожденную антипатію къ этому благородному но трусливому племени. У лорда Байрона, какъ извѣстно, была великолѣпная ньюфундлендская собака, къ которой онъ былъ страстно привязанъ и которую онъ схоронилъ въ своемъ паркѣ, съ надгробной надписью въ прекрасныхъ стихахъ, исполненныхъ глубокой мизантропіи.

Меня можетъ быть многіе изъ моихъ читателей обвиняютъ за долгое молчаніе о пуделяхъ—этихъ «ученыхъ» собачьяго племени, у которыхъ фокусничество такой врожденный талантъ, что дрессировка ихъ достается сравнительно легко и имъ и хозяевамъ, и не оставляетъ слѣдовъ на ихъ неизмѣнно веселомъ безпечномъ ласковомъ характерѣ. Я видалъ пуделей, которые играли въ домино—и выигрывали, стояли на часахъ въ мундирѣ, дѣлали на караулъ, продѣлывали солдатское ученіе по командѣ, тихимъ или скорымъ шагомъ, стрѣляли по военнымъ трубнымъ сигналамъ, даже палили изъ маленькихъ мѣдныхъ пушекъ. Въ циркѣ Ренца я видѣлъ прелестныхъ бѣлыхъ пуделей, которые взбирались по крутымъ лѣстницамъ, плясали на канатѣ; танцевали польку-мазурку, вольтижировали на пони, прыгая черезъ обручи; составляли какія угодно имена изъ картонныхъ буквъ, а одинъ такъ даже съ важностью какого нибудь Вьетана игралъ на скрипкѣ, на самыхъ высшихъ нотахъ. Я нарочно обращаю на это особенное вниманіе, какъ на неувѣроятный подвигъ, потому что именно пудель одаренъ чрезвычайно нѣжнымъ слухомъ—и когда слышитъ высокія, рѣзкія скрипичныя ноты, то обыкновенно горбитъ

спину, поджимает хвостъ между ногъ и затыгиваетъ раздрающій вой, точно всю шкуру дерутъ съ него. Я однажды былъ свидѣтелемъ потѣшнаго представленія — два пуделя, въ мундирахъ флотскихъ капитановъ, держали въ переднихъ лапахъ по рупору и въ рупоръ лаяли другъ на друга, пока нервы одного не выдержали этого оглушительнаго шума, и онъ упалъ въ обморокъ по всѣмъ правиламъ искусства — хоть бы любой барыня. Уморительнѣе я никогда ничего не видалъ.

Это наблюденіе — что собаки не любятъ музыки — однако противорѣчитъ наблюденіямъ нѣкоторыхъ естествоиспытателей. Винбель-Морвиль, между прочимъ, говоритъ слѣдующее о дѣйствіи музыки на разныхъ животныхъ:

«Я велѣлъ исполнить подъ моимъ окномъ миленькую пьеску на струнномъ инструментѣ, и наблюдалъ какъ это дѣйствовало на кошку, лошадь, собаку, осла, оленя, быковъ, маленькихъ птичекъ и куръ съ пѣтухомъ. Кошка, повидимому, не ощущала ровно ничего, и я ясно видѣлъ, что она отдала бы все симфоніи и инструменты въ мірѣ за одного крошечнаго мышенка. Она не обнаруживала ни малѣйшаго удовольствія или

неудовольствія, и заснула на солнцѣ на самомъ лучшемъ мотивѣ. Лошадь остановилась передъ окномъ, и сначала время отъ времени поднимала умную морду съ настороженными ушами, точно прислушиваясь, потомъ продолжала спокойно щипать траву. Собака устала на противъ музыканта и смотрѣла на него не сводя глазъ — цѣлый часъ, да съ такимъ серіознымъ выраженіемъ — точно тончайшій критикъ. Оселъ, несмотря на свои, казалось бы, воспримчивыя къ звукамъ уши, невозмутимо и равнодушно предавался своей страсти — къ репейнику. Олень наострилъ свои большія широкія уши и внимательно слушалъ. Быки на мгновеніе удивились, уставились на музыканта глупыми, выпуклыми глазами — и потащились дальше. Маленькія птички, въ изгородяхъ, деревьяхъ и клѣткахъ подняли такой шумъ, что какъ только у нихъ горлышки не надорвались: звуки очевидно были слишкомъ грубы для ихъ пѣснаго слуха. Султанъ-Петька думалъ только о своемъ сералѣ, а куры выкапывали изъ песка червяковъ и зернышки какъ ни въ чемъ не бывало».

(Окончаніе будетъ).

Смѣсь.

Прогрессъ у ласточекъ. — Принимаютъ вообще за неоспоримую истину, что искусство, обнаруживаемое животными, особенно въ построеніи себѣ жилищъ, врожденно имъ — и потому неизмѣнно, неспособно къ усовершенствованію. Новѣйшія наблюденія какъ будто противорѣчатъ этому мнѣнію и приводятъ къ заключенію, что этотъ художественный или, пожалуй, техническій инстинктъ совершенствуется по мѣрѣ преуспеянія цивилизаціи. Французскій ученый Путь по этому поводу сдѣлалъ въ Руанѣ крайне интересное наблюденіе на ласточкахъ. Онъ велѣлъ принести себѣ гнѣздо ласточекъ, чтобы срисовать ихъ, и вдругъ замѣтилъ, что оно совсѣмъ не похоже на тѣ гнѣзда, которыя онъ самъ, сорокъ лѣтъ назадъ, доставалъ въ томъ же Руанѣ изъ старинныхъ зданій: современные архитекторы значительно измѣнили и усовершенствовали зодчество своихъ отцовъ. Чтобы удостовѣриться, что это не исключеніе, не игра случая, естествоиспытатель самъ осмотрѣлъ зданія, памятники и скалы во всемъ околѣдѣ. Въ числѣ гнѣздъ, помѣщающихся подъ арками, надъ главными дверями руанскихъ церквей, онъ нашелъ еще многія, построенныя по старой модели, но многія также совсѣмъ другой формы. За то въ новыхъ улицахъ, ласточки вездѣ держались новаго архитектурнаго плана, который у нихъ, совершенно какъ у людей въ своихъ новыхъ постройкахъ, состоитъ въ томъ, чтобы пропускать больше воздуха и свѣта, и въ тоже время лучше защищать гнѣздо отъ дождя и холода. Г. Путь для большей вѣрности сравнилъ эти новыя гнѣзда съ рисунками давнишнихъ естествоиспытателей. На всѣхъ этихъ рисункахъ гнѣзда имѣютъ форму шарообразную, съ очень маленькимъ круглымъ отверстіемъ, сантиметра въ 2—3 въ діаметрѣ, какъ разъ только достаточнымъ для того, чтобы хозяева могли вползти и выползти. Нынѣ совсѣмъ не то. Новыя гнѣзда уже не шарообразны, а скорѣе имѣютъ форму половинки яйца и прилѣплены къ стѣнѣ, только не верхней стороною, потому что тамъ отверстіе — тоже уже не простая круглая дыра, а длинная поперечная щель съ круглымъ вырѣзомъ по срединѣ; сверху гнѣздо защищено карнизомъ или вообще какимъ нибудь выступомъ. Щель имѣетъ въ длину 9—10 сантиметровъ, въ ширину только два. Этотъ новый фасонъ даетъ жителямъ больше простора, и птєицы тоже свободнѣе могутъ двигаться; кромѣ того длинная щель даетъ имъ возможность высовывать головки и дышать свѣжимъ воздухомъ даже въ присутствіи старыхъ птицъ, чего прежде имъ нельзя было дѣлать. Кромѣ того гнѣздо луч-

ше защищено отъ холода, дождя и вѣшнихъ враговъ. Интересно было бы разузнать, замѣчены ли у ласточекъ гнѣзда этого фасона и въ другихъ мѣстахъ кромѣ Руана.

Лиса съ добычей,

(См. стр. 461)

Рейнеке-лисъ, этотъ герой средневѣковаго животнаго эпоса и главное дѣйствующее лицо древнегреческихъ басенъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Эзоповыхъ», недаромъ пользуется всемірной славой въ качествѣ первостепеннаго хитреца. Въ той истребительной войнѣ, которую человекъ издревле велъ противъ хищныхъ животныхъ, лиса избѣгла участи, постигшей большую часть этого обширнаго семейства (по крайней мѣрѣ, въ Европѣ), и уцѣлѣла до нашихъ дней единственно благодаря своей находчивости въ изобрѣтеніи различныхъ хитростей. Всякому охотнику извѣстно, какъ лиса обманываетъ гонимыхъ, сбиваетъ ихъ со слѣда, и наконецъ въ крайности, настигнутая борзыми, ложится на спину и отыгрывается отъ собакъ. Но это хитрости такъ-сказать *оборонительныя*. Хитрости же *наступательныя*, которыя лиса пускаетъ въ ходъ, преслѣдуя собственную добычу, — еще разнообразнѣе.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ лису, только что завладевшую такой добычей: это утка, съ птичьяго двора или дикая. Если нѣтъ возможности пробраться на птичій дворъ, то чтобы обмануть пугливую и осторожную птицу, лиса прикидывается мертвою, и лежитъ нѣсколько часовъ неподвижно на виду. Гуси, утки и другія домашнія птицы понемногу приближаются къ ней и совершенно привыкаютъ къ ея присутствію, а та уличивъ минутку бросается на ближайшаго ротозѣя и тащитъ его къ себѣ въ нору.

СОДЕРЖАНІЕ: Москва и Тверь. Историческая повѣсть. В. И. Кельсиева. (Продолженіе). — Изъ Висбаденскихъ воспоминаній. — Дешевые дома (окончаніе). — Люблинскій сеймъ (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Древнія и новыя сказанія о собакахъ (продолженіе). — Лиса съ добычей (съ рисункомъ). — Смѣсь.

Редакторъ В. Ключниковъ.